

Г. И. Кублицкий

Фритъоф Нансен

**Его жизнь и необыкновенные
приключения**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Г11

Г11 **Г. И. Кублицкий**
Фритъоф Нансен: Его жизнь и необыкновенные приключения / Г. И. Кублицкий – М.: Книга по Требованию, 2013. – 335 с.

ISBN 978-5-458-31069-7

О норвежце Фритъофе Нансене говорили, что он был велик как полярный исследователь, более велик как ученый и еще более велик как человек. Молодые его годы были полны необыкновенных приключений. Он первый в мире с горсткой храбрецов пересек ледяной купол Гренландии. Затем последовала всемирно известная экспедиция на «Фраме», поход вдвоем к Северному полюсу, жизнь полярного Робинзона на неведомой Белой Земле ..Ромен Роллан назвал Нансена «единственным европейским героем нашего времени». Великий норвежец был другом Советской России...

ISBN 978-5-458-31069-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

гие под хмельком — тяжеловесные шутки и дружеские подзатыльники так и сыплются. Сколько тут их, грубоватых, рослых парней, — наверное, несколько десятков! И все — чужие; никому из них нет никакого дела до пассажира.

А вот наконец и капитан Аксель Крефтинг! Студент поднялся навстречу весьма представительному человеку с черными, необыкновенно пышными усами, который шел к трапу. Молодцы на палубе прекратили возню, а кое-кто даже снял шапку.

Капитан пожал студенту руку и попенял Ларсену за то, что тот не отвел гостю каюту. Старик пробурчал, что занимался на корабль штурманом, а не нянькой. Крефтинг сам проводил студента в тесную каюту на корме у левого борта.

— Как раз напротив моей, — любезно сказал он. — А сколько вам лет, господин Нансен?

— Уже двадцать.

— Отличный возраст!.. — Капитан покрутил пальцами кончики усищ. — Ну, устраивайтесь, располагайтесь... .

В каютке — койка, привинченный к стене столик, на котором едва умещаются локти, шкаф для платья — и ничего больше. Втроем тут, пожалуй, не повернешься.

Первую ночь на корабле студент спал плохо. Он боялся проспать отход и поминутно чиркал спичкой возле положенных на столике часов.

Наконец-то стрелка доползла до пяти. Пора. Он застегнул на все пуговицы сюртук, пригладил торчащие русые волосы.

На палубе еще пусто. Только штурман Ларсен стоит у борта на том же месте, что и вчера. С берега легкий утренний ветерок несет запахи талой земли. Скоро начнут лопаться почки, нежными клейкими листочками оденутся березы. Весна... А студент ничего этого не увидит — незнакомое холодное море будет качать его корабль...

Задумавшись, Нансен и не заметил, как стал оживать «Викинг». Вскоре поднялась та нервная суета, за которой один скрывает горечь разлуки, другой — нетерпение, третий, новичок, — страх перед опасным плаванием.

Команда «Викинга» собралась со всей Норвегии. Здешних, из Арендаля, в ней было мало. Провожать корабль пришли несколько случайных моряков, загулявших до утра, да старуха, кутавшаяся в черный платок. Тем не менее с «Викинга» громыхнули на прощанье такое «ура», что в домах возле набережной захлопали окна и появились заspanные физиономии.

Дул свежий ветер, и на «Викинге» подняли паруса, помогая машине.

Студент полдня провалялся на койке в своей каютке, похожей на клетку. Он не мог смотреть в иллюминатор: неустанно катившиеся друг за другом волны вызывали противную тошноту. А тут еще запах жира, который не выветришь никакими сквозняками. Бедняга завидовал нырявшим в недра водяных гор дельфинам: им-то что — их не мутит. . . Ему казалось, что все вокруг замечают его состояние и подсмеиваются над ним. Нет, море не для него. Вряд ли он когда-нибудь сроднится с ним.

«Свободное, могучее море», — говорят поэты. Могучее — это верно, но как подавляет оно своим однообразием! И это чувство тошноты! Оно держит новичка в каюте, в то время как матросы спокойно и невозмутимо возятся со сломанной реей на палубе, через которую катятся сине-зеленые волны с белыми пенящимися гребнями,

.Льды по курсу!

На шестой день плавания Нансен проснулся бодрым и свежим. Что — стих ветер? Нет, судно по-прежнему кладет с борта на борт. Студент долго смотрел в иллюмина-

тор — хоть бы что! Пошел на палубу, стоял у борта, пока не промок до нитки от брызг, — ни следа морской болезни!

Все радовало его в этот день. Он с интересом присматривался к жизни судна. Посередине палубы были свалены в кучу непромокаемые куртки, сапоги, фуфайки. Зверобой толпились вокруг, примеривая, выбирая, прицениваясь. Тут же стоял боцман и записывал, кто что взял.

— Но ведь все это можно было купить на берегу, до отхода судна? — Нансен подошел к рулевому Баллону, которого запомнил с первой встречи у трапа.

— На берегу? — ухмыльнулся Баллон. — Да ведь половина наших молодчиков явилась к отходу с похмельной головой и без медяка в кармане. Эх, сударь, да ежели кто получит сапоги на берегу, то, пожалуй, их потом придется искать под стойкой у портового кабатчика! А вы как — запаслись всем теплым?

— Телогрейку взял бы, пожалуй. Да и брезентовую куртку... Не поможете ли выбрать? — попросил студент.

— Отчего же нет?

И оба подошли к куче.

— Куртку и штаны вам лучше сшить по мерке у нашего парусного мастера. А вот вшивку...

— Как?!

— Ну, телогрейку. У нас их зовут вшивками.

Штурман Ларсен, стоявший подле, прошелся насчет молодчиков, тратящих денежки на одежду, которая им все ни к чему. Нансен пропустил слова старого ворчуна мимо ушей.

— А что, господин Нансен, — спросил Баллон, перебирая «вшивки», — верно ребята говорят, что вы, когда выучитесь, попом будете?

— С чего вы взяли? — удивился Нансен.

— Да как же! У нас вон в деревне сын лавочника учился в Кристиании, а потом вернулся и...

— Послушайте, он же, наверное, учился на богослова. А я зоолог.

— Зоолог?

— Это такая наука о животных. На «Викинге» я буду изучать тюленей.

— Да чего же их изучать? — изумился Баллон. — Бей да шкуры снимай!.. — Он протянул студенту телогрейку: — Эта хламида, пожалуй, будет впору.

Весь день студент слонялся по палубе и смотрел на море, на волны, мчащиеся словно кони с развевающимися пенистыми гривами. Он думал о многих поколениях норвежцев, которые воевали с этой первобытной стихией, и ему рисовались корабли древних викингов, жестоких воинов и отважных искателей приключений.

Спать в эту ночь студенту не хотелось. Он набивал голландским табаком купленную перед отходом трубку и чуть не до утра читал немецкий разбойничий роман. В нем описывались добродетельные девицы; разбойники в конце концов оказывались благороднейшими личностями.

Поднялся Нансен поздно и в отличнейшем расположении духа. Ну что ж, надо закалять себя. Оставив телогрейку на крюке, он вышел на палубу в одной вязаной куртке. Ого, ветерок-то кусачий! Все, кроме вахтенных, спрятались в каюты и кубрик. Но студент с посиневшим носом, засунув руки в карманы, стал упрямо прохаживаться по палубе. Подошел капитан Крефтинг и сухо заметил, что, конечно, это не его дело, но он посоветовал бы господину Нансену не ухарствовать и одеваться, как все.

— Да ведь всего десять градусов мороза, — заупрямился тот.

— По вашему сухопутному градуснику! — рассердился Крефтинг. — А в Северном Ледовитом океане, не мешало бы вам это знать, каждый градус мороза раза в четыре крепче. Схватите воспаление легких, что тогда? Доктора ведь у нас нет — зверобоям болеть не полагается.

— Господин студент изучает, как чувствует себя на ветру тюлень, когда с него ненадолго снимут шкуру! — фыркнул незаметно подошедший Баллон. — Пойдемте, сударь, к нам в кубрик, у нас как в бане.

В кубрике — общей каюте в носовой части судна, где жили пятьдесят матросов и зверобоев, — Хансену бывать еще не приходилось. Он пошел туда следом за Баллоном. Запахи жареного сала, дешевого табака, пота и мокрой одежды были так густо замешаны в воздухе тесного помещения, что студент закашлялся. Длинный деревянный стол, стоявший посередине кубрика, завален обглоданными рыбьими костями и грязной посудой. Зверобои играли в карты, валялись на койках, подвешенных в два яруса вдоль стен, — попросту говоря, били баклуши, отдыхая перед промыслом. Часть матросов спала после вахты.

Вдруг поднялся страшный рев и гам. Какого-то парня стянули с койки, и он жабой шлепнулся на пол. Здоровенный рыжий зверобой с туповатым лицом схватил две жестяные кружки и принялся изо всей силы стучать ими по столу. И все это затеяли для того, чтобы разбудить тех, кому надо было сменять вахтенных.

В дверях появился старый Ларсен:

— Эй, бездельники, марсея вытягивать! Пошел наверх! Живо! . .

Не его это дело — подгонять людей вместо боцмана, но старик всегда искал случая, чтобы покричать, а то и пуснуть в ход кулаки.

Студент тоже выскочил на палубу и, ухватившись за обледенелую снасть, принялся тянуть изо всех сил. Здоровенные глотки подхватили излюбленную матросскую песенку:

И в первой паре танцевать
Пошла девица Хансен.
Тра-ла-ла-ла, тра-ла-ла-ла,
Тра-ла-ла-ла, охой!

Нансен подпевал, притопывая ногой, и ему было легко и весело.

К вечеру восьмого дня плавания, когда студент готовился приятно провести в каюте вечер за книгой, до него донесся крик:

— Льды по курсу!

После света лампы глаза едва различали нечто сверкающее призрачной белизной во мраке. Нансен почувствовал необъяснимое волнение. Эта льдина была вестником незнакомого полярного мира. За ней белели другие. С шелестом и хрустом они плыли мимо, чуть заметно покачиваясь на волне. Слышались глухие удары в борта. Судно вздрагивало.

Странные блики дрожали на парусах, и горизонт светился как-то необычно и жутко — это низко плывущие облака отражали блеск ледяных полей. А потом в той стороне, где бесконечно далеко в ледяном безмолвии стынет загадочный и притягательный полюс, вспыхнуло северное сияние.

ПРЕДОК И ПОТОМОК

Каждый капитан промыслового судна мечтает найти во льдах детную залежку — место, где самки гренландского тюленя приносят детенышей. На таких залежках — ледяных полях — обычно собираются стада в сотни тысяч тюленей. Звери залегают густо, тесно. Детеныши — так называемые бельки — в своих красивых белых шубках малоподвижны, еще не умеют плавать, очень неохотно идут в воду и становятся легкой добычей.

Для зверобоев обнаружить детную залежку — значит поймать свое счастье. Но найди-ка ее в океане, попробуй! Можно пройти возле самой залежки, не заметив ее, и вернуться в порт с почти пустыми трюмами.

Залежка, залежка. . . На судне только и разговору, что

о ней. А ну как другие суда уже нашли ее? Бывалые зверобои вспоминают разные случаи, спорят, ссорятся. По ночам матросам чудится писк тюленьих детенышей, обещающий сытую зиму, достаток в семье, лишнюю кружку грога в воскресенье.

И наконец самый зоркий и нетерпеливый кричит:

— Тюлень!

Застопорили машину. Далеко на льдине что-то чернеет — похоже, что это самка крупного тюленя из породы хохлачей. Хорошая примета: хохлачи нередко держатся вблизи детной залежки гренландского тюленя.

Ладно, допустим, что залежка близко. Но в какой стороне?

Капитан зовет в каюту штурманов и самых опытных зверобоев. Нансен тоже втискивается в уголок. Судят, рядят, многозначительно хмыкают, коптят каюту дымом трубок и решают. . . простоять на месте до утра: может, появятся какие-нибудь новые приметы.

Когда все расходятся, Крефтинг задерживает Нансена.

— Да, такова наша жизнь! — говорит капитан со вздохом. — Гадаем, ищем — и не находим. Вы, наверное, слушали и думали: «Что за пустомели, толкут воду в ступе!» А вот посмотрите. . .

Капитан достает с полочки свернутую в трубку карту и расстилает ее на столе, прижимая по краям книгами. Это карта тех вод, где находится «Викинг».

— Вот остров Ян-Майен. Вокруг него обозначены льды. Они дрейфуют, передвигаются с места на место. Что мы знаем о них? Да ровно ничего! Одни догадки. А ведь чуть не каждый год эти льды ведут себя по-разному. Тут, конечно, влияют ветры и течения. Вот изучить бы все это! Я пробовал отмечать на карте, где в разные годы находили самые богатые детные залежки. Получается, что чаще всего в центре Большой ледяной косы. Вот ее язык.—

Капитан отчеркнул ногтем. — Кажется, чего бы проще — иди прямо к косе и ищи. Но беда в том, что коса каждый год оказывается в новом месте. Меняется, что ли, течение, которое выносит в море ее льды? Как вы думаете?

Студенту, конечно, лестно, что капитан говорит с ним как с равным. Однако что он может ответить? И, покраснев, Нансен начинает объяснять, что он, собственно, зоолог и в морских течениях разбирается плохо, но, насколько ему известно, ученые собираются. . .

Крефтинг, не дослушав, с досадой скатывает карту трубкой и при этом роняет на пол книгу, которая придерживала ее край.

— Кстати, я давно хотел спросить вас, — он протягивает Нансену книгу, — это не ваш родственник?

Книга старинная, пахнувшая кожей и плесенью. У нее необыкновенно длинное заглавие: «Краткое описание всего мира, где даются понятия о небе, солнце и луне купно с другими планетами и звездами, об их движении и направлении, а также о четырех стихиях и их свойствах, и о царствах и государствах земных с их достоважаейшими городами. К сему присовокупляется нечто о море и мореходстве и о вспомогательных к оному науках, извлеченное из различных книг и составленное и написанное Гансом Нансеном. Отпечатано в Копенгагене Андерсом Кохом в 1633 году за счет бухгалтера Педера Андерсена и продается у него».

— Да, я знаю эту книгу, — говорит студент. — У нас дома есть такая же. Ганс Нансен — мой предок.

— Вот как! — Капитан удивлен и обрадован. — Так в вас морская кровь! Он, должно быть, много путешествовал, ваш предок?

— Да, и притом, как и вы, на севере. Служил матросом, зимовал у берегов России, научился говорить по-русски, и русский царь поручил ему обследовать берега Бе-

лого моря. Потом восемнадцать лет он плавал шкипером на судах исландской компании.

— Смотрите-ка! Я так и думал, что такую книгу мог написать только настоящий моряк. Мой дед не расставался с ней, а отец очень берёг ее и подарил мне, когда я пошел в первый рейс... Ну, а ваш отец — он тоже моряк?

— Увы... Адвокат, секретарь суда.

Крефтинг разочарованно свистит.

— Ну, из вас-то мы, пожалуй, попробуем сделать моряка, — говорит он так, что можно понять: «Несчастье еще поправимо, не унывайте». — И вот что: давайте обедать вместе, в моей каюте.

Нансен растроганно благодарит.

Если бы удалось заметить гребущие тюленьи косяки, то можно было бы пробиваться во льды следом за ними; большей частью эти косяки направляются как раз к залежке. Но тюленей нигде не видно.

Капитан велел поднимать на мачту дозорную бочку, которую моряки прозвали «вороньим гнездом». Но Ларсен, сердито тряся бородой, сказал, что сегодня воскресенье и богобоязненные люди не должны заниматься работой. Конечно, понедельник тоже не годился — тяжелый день. Но почему бы не подождать до вторника? Капитан вспылил и велел крепить бочку.

— Теперь не жди добра! — бормотал Ларсен. — Ох, не жди добра!

Из «вороньего гнезда» капитан не спустился даже к обеду. Длинная подзорная труба все время описывала круг над краем бочки: Крефтинг высматривал тюленей.

Но ни в этот день, ни на следующий звери так и не показались.

Нансен слонялся по палубе, следя за ледовыми чайками. Красивые птицы: незапятнанная белизна, легкий полет! Но бросьте-ка за борт какую-нибудь дрянь, объедки — и с хриплым криком ледовая чайка кинется вниз, будет рвать мясо, жадно глотать куски. Зато как милы весело чирикающие пуночки, напоминающие норвежских воробушков!

«Викинг» между тем почему-то изменил курс и, подгоняемый крепнувшим ветром, вошел во льды. Здесь на него и налетел шторм.

Крефтинг был на шканцах. Странное дело — он повеселел и, казалось, отлично чувствовал себя:

— Лево руля! Круче!.. А-а, Нансен! Держитесь, волна не отдает то, что взяла... Вас не мутит?.. Я же говорил, что из вас получится моряк... Еще лево, лево, черт возьми! «Когда-нибудь да будет этому конец», — как сказала одна лисица, когда с нее...

Тут пренеприятнейший треск помешал Нансену дослушать любимую поговорку капитана — рухнула на палубу часть фальшборта, лопнула обшивка шканцев. Ларсен — он стоял рядом с капитаном — торопливо зашептал:

— Господи помилуй! Я говорил, я говорил... Бочку — в воскресенье...

Но недаром Крефтинга считали одним из самых отчаянных полярных мореходов. Другой бы смалодушествовал, попытался выйти из льдов, а этот, веря в себя и свой корабль, пошел в самую гущу. И ведь в конце концов выбрал местечко, где волна ослаблена льдами и «Викинг» мог спокойно переждать шторм. Конечно, он рисковал — но чего же можно добиться без риска в полярных морях!

— Ну, вот вам и морское крещение! — сказал Крефтинг студенту. — А что, если мы с вами спустимся вниз и выпьем по чашке горячего кофе, а?